

Н. К. ЛЕБЕДЕВ

ДОКУСФЕРА

АРХАНГЕЛЬСКИЕ РОБИНЗОНЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

1 9 3 5

БИБЛИОТЕКА ПО ГЕОГРАФИИ
ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

35-10
103а

Н. К. ЛЕБЕДЕВ

ДОКУСФЕРА

АРХАНГЕЛЬСКИЕ РОБИНЗОНЫ

РАССКАЗ
О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ
ЧЕТЫРЕХ ПОМОРОВ
НА НЕОБИТАЕМОМ ОСТРОВЕ
В СЕВЕРНОМ ПОЛЯРНОМ МОРЕ

Издание 3-е, дополненное

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1935

Содержание

ДОКУСФЕРА

	Стр.
Кто такой был Робинзон	3
Полярное море	—
Чем богаты полярные страны	8
Разбитые бурей	16
Одни среди ледяной пустыни	19
Вторая зимовка	25
Спасение из ледяного плена	27

Ответственный редактор *П. Г. Терехов.*
Технический редактор *Л. Н. Никольская.*

Сдано в набор 7/X 1934 г.
Подписано к печати 1/XII 1934 г.

Формат бумаги 82×100 _{мм}. Тираж 50.000 экз.
Издат. листов 2. Бум. листов $4\frac{1}{2}$. 96.000 тип. зн. в 1 бум. листе. Авт. листов 1, 2.
Бумага № 2 ф-ки им. Менжинского.

У-25. Учпедгиз № 6293. Заказ № 4461.
Главлит № Б-40814.

А-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига“. Москва, Валовая, 28

Кто такой был Робинзон

Робинзоном называют всякого человека, который попадает в какую-нибудь необитаемую местность и живет там в полном одиночестве. Такое прозвище пошло от имени одного английского матроса *Робинзона Крузо*, историю которого придумал и описал один английский писатель лет двести назад.

Робинзон Крузо после кораблекрушения очутился один на необитаемом острове. Благодаря мужеству и находчивости он не погиб, а прожил на острове много лет и научился сам делать разные вещи, необходимые для жизни.

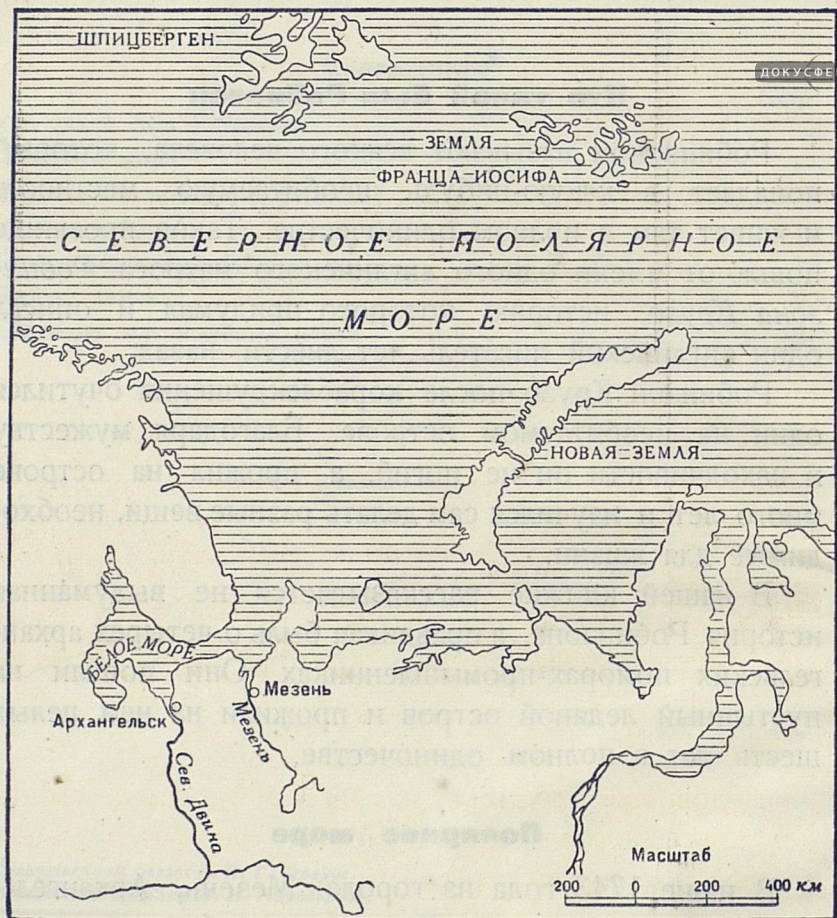
В нашей книжке рассказывается не выдуманная история Робинзона, а правдивая быль о четырех архангельских поморах-промышленниках. Они попали на пустынный ледяной остров и прожили на нем целых шесть лет в полном одиночестве.

Полярное море

В июне 1743 года из города Мезень, Архангельской губернии, вышла в Белое море небольшая парусная ладья.

На ладье было четырнадцать человек поморов-промышленников. Ладьей управлял старший лоцман Алексей Химков, человек лет под пятьдесят, остальные были моложе, но все люди, бывалые в море.

На севере — не земля, а море кормит человека. Люди, живущие по берегам моря — поморы, — занимаются морскими промыслами и рыбной ловлей.

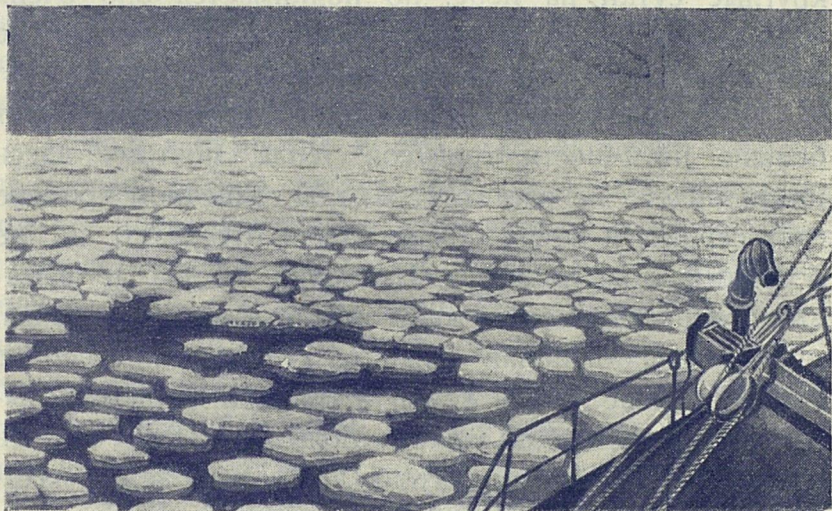

Карта Полярного моря

Еще лет пятьсот назад первые русские поселенцы на берегу Белого моря начали эти промыслы, и с того времени их внуки и правнуки кормятся

морской охотой. Земля на севере плохо родит хлеб. Лето бывает короткое и холодное. Без морского промысла человеку в северном крае прожить трудно.

Химков с товарищами отправились на морские промыслы. Через несколько дней ладья их вышла из Белого моря на широкий простор Полярного, или Ледовитого, моря.

Полярное море

Ледовитым это море называется потому, что на нем круглый год, зимой и летом, плавают большие льдины и ледяные горы.

Раскинулось холодное Полярное море больше чем на четыре тысячи километров в длину и почти на столько же километров в ширину.

Много на этом море лежит островов и земель. Острова эти покрыты вечными снегами и льдами. Здесь целых девять месяцев в году царит лютая

зима с жестокими морозами. С октября по февраль солнце здесь почти совсем не показывается на небе. Все это время на севере стоит сплошная ночь. Среди ночной темноты свирепствуют сильные выюги. Морозы доходят до пятидесяти градусов.

Но и летом на далеком севере немногим ^{ДОКУМЕНТАРИЙ}лучше, чем зимой. Солнце хотя и стоит в июне и в июле круглые сутки на небе, но поднимается оно очень низко. Его косые лучи плохо согревают землю и не могут растопить огромные пласты льда и снега.

Летом на островах Полярного моря не бывает больше пяти-шести градусов тепла, поэтому здесь почти ничего не растет. Только на солнечном припеке снег сходит, и земля обнажается и оттаивает, но не больше чем на полметра. На таких местах и вырастает сероватый мох да жесткая короткая тощая травка.

Вся эта обширная область, где лежит северное холодное море, и все земли и острова на нем называются северной *полярной* областью. Эта область называется так потому, что в этой части земли находится северный *полюс* земного шара.

Самые большие острова на Северном Полярном море в той части, которая ближе к нам, — это двойной остров Новая Земля, и острова Шпицберген, или, по-старинному, Грумант.

Новая Земля находится далеко за Архангельском. От Архангельска до Новой Земли морем больше тысячи километров. А острова Шпицберген лежат к западу от Новой Земли против нашего Мурманского побережья.

Новая Земля имеет в длину почти тысячу километров, а в ширину в некоторых местах - километров

тридцать, а в некоторых — около ста. Покрыта она высокими каменными горами.

Если плыть вдоль берега Новой Земли, то можно видеть, как горы становятся все выше и выше. Все горы покрыты снегом и льдом. Очень часто густой туман закутывает горные вершины, и от этого горы кажутся выше.

Хотя зимой на Новой Земле и не холоднее, чем во многих местах Сибири, но здесь не растут деревья: лето здесь стоит всего только недель десять и тепла никогда не бывает больше пяти-семи градусов.

Только в немногих местах, где особенно сильно прогревает солнце, растет мох да тощая травка, и кое-где показываются жалкие кустики ползучей ивы и березы-стланки. Но ивы и березы на Новой Земле нисколько не похожи на наши. Это — даже не кустарник, а крошечные ползучие кустики в несколько сантиметров высоты. Полярная ива немного напоминает тощий кустик брусники. Тем не менее эта крошечная ива выпускает весной сережки и цветет.

В самых теплых и закрытых от ветра местах вырастает на Новой Земле ягода морошка и разбрасывает свои веточки — плетни — ягода вороника.

Но короткое лето не успевает растопить весь снег на Новой Земле, и уже в августе здесь начинаются морозы, а с сентября устанавливается зима.

Еще беднее растительностью и тоскливее другие острова в Полярном море — Шпицберген. Шпицберген весь покрыт остроконечными горами, за что и получил свое название. Слово Шпицберген по-русски значит „остроконечные горы“.

Острова Шпицберген, или Грумант, находятся к западу от Новой Земли на расстоянии около тысячи километров. Шпицберген и соседние с ним острова часто называются мореходами „страшной“ землей. Зима здесь стоит девять месяцев, а три месяца в году солнце ни разу не поднимается на небе. С ДОКУМЕНТАРЬ темноты и холода часто свирепствуют бури и снежные бураны.

Здесь мало встречается даже тех жалких и тощих растений, которые мы находим на Новой Земле. Только бурый мох одевает в некоторых местах каменные скалы, которые летом освобождаются от снега. Пустынны и дики даже и летом берега Шпицбергена.

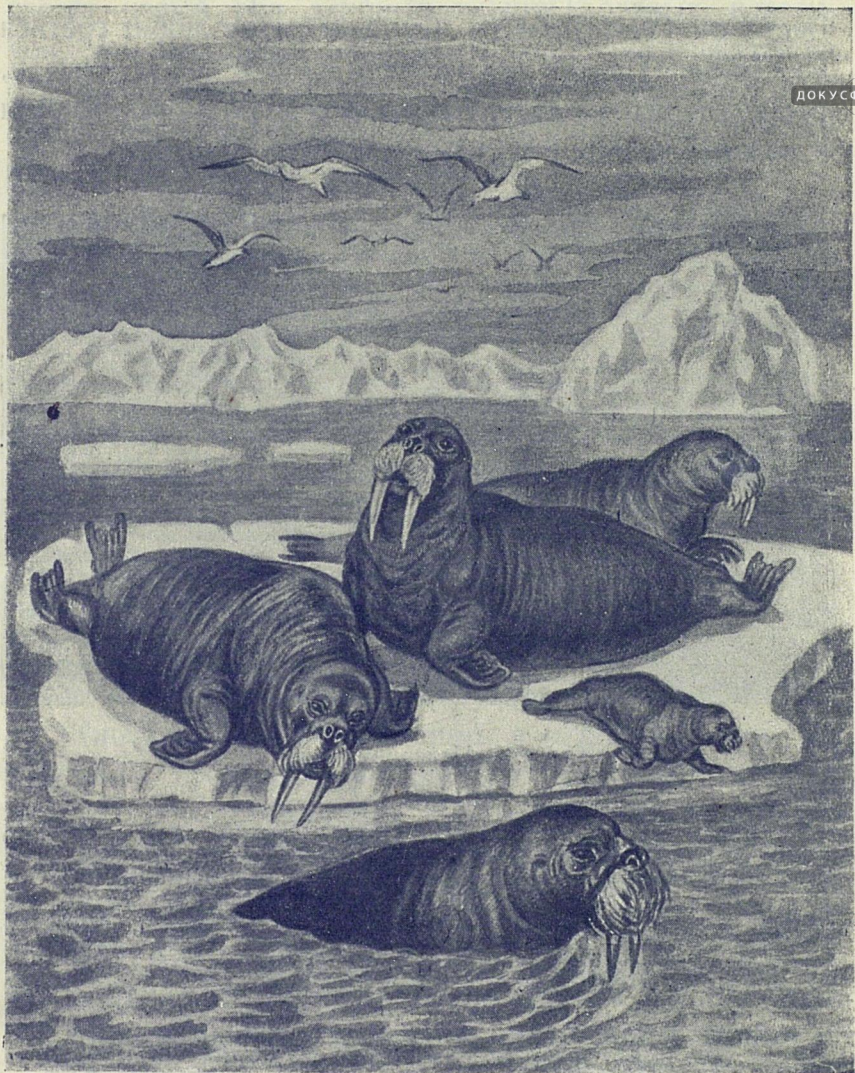
Чем богаты полярные страны

Полярные земли — самые бесплодные на земном шаре. Но зато в самом Полярном море водится много не только разной рыбы, но и ценных морских зверей — китов, моржей, тюленей и других животных.

Чаще всего попадают в Полярном море *моржи*. Моржи — это большие животные от трех до четырех метров длиной, а то и больше. Они имеют длинные и толстые клыки. Кость моржевых клыков идет на выделку разных вещей. Моржи ценятся также и за свое сало и за толстую кожу.

Кроме моржей в Полярном море водится еще много *тюленей*. Тюлень несколько похож на моржа, только поменьше ростом и не имеет клыков. Тюлени встречаются в море целыми стадами.

При помощи своих коротких ног, которые называются *ластами*, тюлень великолепно плавает. Холодной воды тюлень не боится, потому что у него,

Моржи на льдине

как и у моржа, под кожей находится толстый слой сала, который не пропускает холода.

Тюлени и моржи не все время проводят в воде. Часто они вылезают на льдины и летом любят греться на солнце. Тюлени — лежебоки. Они очень ленивы и, растянувшись на льду, только изредка поворачиваются к солнцу то животом, то спиной, то боком.

Кит в Полярном море

Тюлень доставляет человеку, как и морж, много полезных продуктов. Тюлений жир идет на приготовление мыла, смазочных веществ, а на севере тюлений жир жгут в лампах вместо керосина. Мясо тюленей идет в пищу, а из тюленьей кожи шьют одежду, обувь и разные вещи, например ранцы для школьников.

В Полярном море водятся также и *киты*. Кит — это огромное морское животное. Своим видом кит напоминает большую рыбу. Киты иногда имеют до

25 метров в длину У китов — огромный рот, в который легко может войти большая лодка, но зубов у кита нет. Вместо зубов у них на верхней челюсти растет целый ряд длинных гибких роговых пластинок. Эти пластинки на нижнем конце разделяются на отдельные нити и образуют нечто вроде бахромы, торчащей изо рта, и напоминают немного усы, почему им и дано название китового уса.

Питаются киты разными мелкими морскими животными, ракушками и маленькими рыбками. Когда кит захочет есть, он слегка раскрывает свою громадную пасть и плывет вперед. В пасть вместе с водой попадают рыбки и сотни разных мелких животных. Вода, попавшая в рот киту, вытекает через углы рта, а рыба задерживается пластинками во рту кита.

Глаза у китов маленькие. Ног совсем нет, а вместо них спереди два плавника. Сзади у кита — хвост, похожий на рыбий. На самой верхушке головы у кита *ноздри*, через которые он и дышит. Для этого кит выставляет верхнюю часть головы над водой. Отдываясь, он выбрасывает на воздух фонтан брызг и пара.

Живут киты обыкновенно в одиночку или же семьями — отец, мать и один или два детеныша. Но иногда киты соединяются в большие стада. На зиму они уходят из Полярного моря в более теплые моря, но летом снова возвращаются на север.

Под кожей у китов, как и у тюленей и моржей, залегает толстый слой жира, защищающий их от холода.

Китовый жир и китовый ус очень ценятся, и поэтому в Полярное море выезжают много промысловых людей для охоты на китов.

Белый медведь.

Моржи, тюлени и киты, хотя и живут в полярных морях, но еще не являются настоящими хозяевами полярной области. За морскими зверями, тюленями и моржами, охотится хищник, настоящий хозяин полярной области — это белый медведь, или, как его называют на севере, *ошкуй*. Белый медведь похож на нашего косолапого Мишку Топтыгина. Он только длиннее его, и шерсть на нем белая, серебристая. У старых медведей шерсть немного желтеет.

Зимой белый медведь не ложится в берлогу, как наш лесной бурый. Он ходит в одиночку или вдвоем по ледяным полям и подстерегает неосторожных тюленей. Белые медведи питаются также рыбой, которую они ловко ловят в воде. Летом они лакомятся птичьими яйцами и птенцами. Белый медведь не боится холода. Медведица даже зимой родит медвежат. В декабре у медведицы родятся два-три детеныша. Мать держит их в ледяной берлоге, но они быстро растут и к весне бывают уже ростом с собаку.

Весной медведица разламывает свою ледяную берлогу и выводит медвежат на волю. Она учит их плавать и ловить рыбу. Медвежата все лето ходят вместе с матерью и только осенью бросают ее и начинают жить самостоятельной жизнью.

Белый медведь, несмотря на свою величину, отличный пловец. Он ныряет в холодной воде между льдинами, лазит по ледяным горам и высматривает, где лежат морские звери — моржи и тюлени. Завидев на льдине моржа, белый медведь заходит с подветренной стороны и крадется к моржу. Добравшись до моржа, медведь норовит всадить свои когти ему в загривок. Морж вырывается, ревет от боли и ползет

к воде. Медведь еще раз запускает когти в загибок моржа, и между медведем и моржом завязывается смертельная борьба. Иногда моржу удается добраться до края льдины и свалиться в воду. Медведь бросается за ним и уже в воде приканчивает моржа.

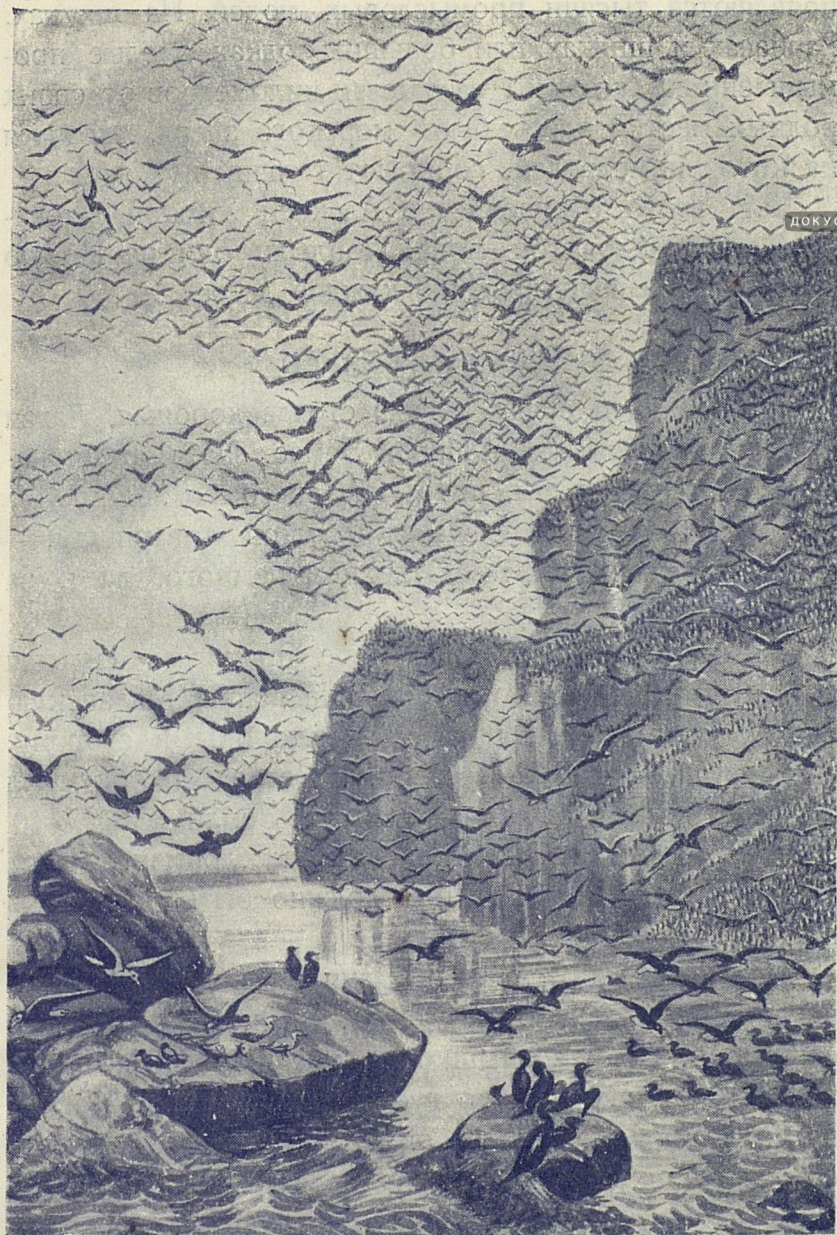
На тюленей белые медведи устраивают иногда ДОКУМЕНТАРЬ стоящую охоту. Заметив, где плавают тюлени, медведь садится на краю льдины и сторожит тюленя. Как только он увидит высунувшуюся из воды голову тюленя, медведь ловко схватывает ее. Через несколько минут тюлень задушен, и медведь вытаскивает его труп на льдину и пожирает.

Летом в полярные страны, на острова Ледовитого моря, прилетает бесчисленное множество разных морских птиц. Птиц бывает здесь так много, что они часто покрывают сплошь огромные скалы и утесы. Такие места, где гнездится много птиц, называют „птичьими городами“ или „птичьими базарами“. Здесь действительно стоит вечный гомон, как на базаре.

Больше всего прилетает в полярные страны чаек, бакланов, гагар, гусей, морских уток и гаг. Гага дает очень мягкий ценный пух.

Таким образом, во время короткого лета в полярных странах жизнь бьет ключом. Но, как только наступает август и начинаются холода, жизнь снова замирает. Птицы почти все улетают на юг. Тюлени и моржи уплывают туда, где теплее. Остаются зимовать белые медведи, песцы и полярные лисицы, которые рыщут по ледяным полям, отыскивая себе пищу.

Морской зверь, рыба и птица с давних времен привлекали людей на далекий север. Каждое лето в полярных морях и на островах в полярной области

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ

„Птичий базар“ на острове Полярного моря

появляются тысячи промысловых людей. На шхунах, карбасах и шняках или больших лодках, смелые промышленники уезжают за тысячи километров от своих родных мест и здесь бьют морского зверя, охотятся на китов и медведей, собирают гагачий пух.

Для этого отправился и Алексей Химков с товарищами в Ледовитое море. Поплыли они на Новую Землю, где бывали и раньше каждое лето.

Разбитые бурей

Восемь дней сряду погода стояла хорошая. Ладья стала подходить уже к Новой Земле. На море показались высокие горы, покрытые снегом и льдом.

— Ну, братцы, — сказал Химков товарищам, — завтра будем на месте. Отдохнем немного, да и за промысел примемся.

Но вдруг к вечеру на море поднялась сильная буря. Заходили по морю большие волны. Маленькую ладью бросало, как щепку, из стороны в сторону. Ледяная вода заливала палубу. Ветер быстро гнал ладью в другую сторону от Новой Земли.

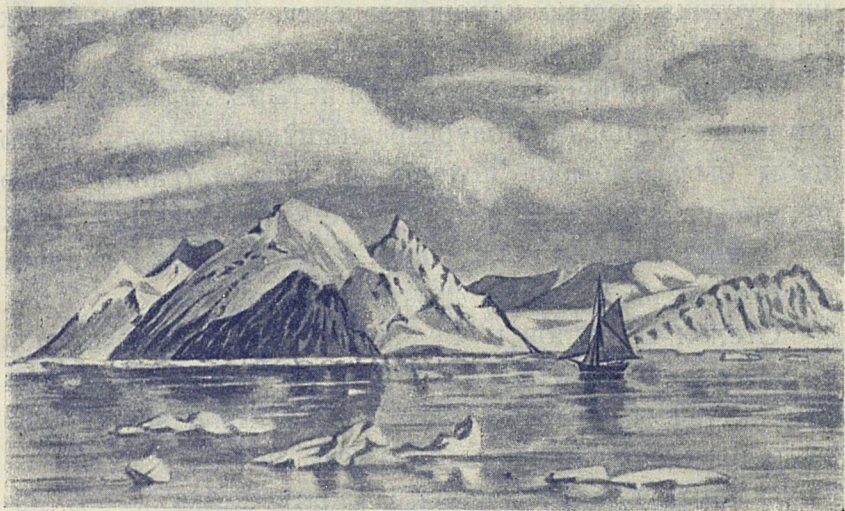
— Дело плохо, ребятки, — сказал лоцман. — Буря разыгрывается не на шутку, должно быть, не видать нам Новой Земли.

Все приуныли. Целых три дня ревело море. Только на четвертый день буря утихла. На небе показалось солнышко. Но и солнышко не утешило промышленников. Они увидели, что все море покрыто плавающими льдинами. Льдины окружили шхуну, и вместе со льдом шхуну отнесло на запад. Дня два гнали льды шхуну по морю. Наконец впереди мореходы увидели какую-то землю и остроконечные горы.

— А ведь это — остров Грумант, — сказал Химков. — Вон куда нас занесло.

Все промышленники были так измучены бурей, что еле-еле держались на ногах.

Химков решил пристать к острову и дать своим товарищам отдых. Он вспомнил, что на Груманте не-ДОКУМЕНТАРНО сколько лет перед тем зимовали мезенские китоловы и построили там избу. Когда Химков сообщил своим

Шпицберген

товарищам о решении пристать к острову, все страшно обрадовались. Но Химков не знал в точности, где находится изба мезенских китоловов, а между тем льды не подпускали судно подойти к берегу. До берега оставалось еще более километра.

— Ну, братцы, — сказал Химков, — вы оставайтесь на ладье, а я возьму с собой человека три и схожу на берег, поищу избу. Как найдем, вернемся к вам, и тогда как-нибудь будем пробиваться к берегу.

Химков взял с собой сына Ивана да еще двух матросов — Степана Шарапова и Федора Веригина. Захватили они с собой на всякий случай ружье, пороху на двенадцать зарядов, топор, маленький котелок, запас муки, ножик, немного табаку, огнянку, чтобы огонь добывать, и отправились на остров. ДОКУСФЕРА

Долго они пробирались по льду, обходя полыньи. Добрались, наконец, и до берега. Ни одного деревца, ни кустика, только камень, да снег, а на проталинах кудреватый мох.

Пройдя по берегу километра четыре, Химков и его спутники увидели полуразвалившуюся избу. Около избы была сложена поленница дров. Странно было видеть на этом мертвом острове человеческое жилье.

Вошел Химков в избушку. В одном углу был очаг, сделанный из глины, в другом — были нары.

Степан Шарапов и Федор Веригин принесли дров и разожгли огонь. Вскипятили в котелке воды, запустили туда горсти две муки. Поели похлебки. Отдохнули немного. Пошли в обратный путь.

— Вот обрадуем наших, — сказал Химков. — В избе поместим больных, а здоровые останутся на ладье. Можно будет поискать, нет ли здесь где-нибудь поблизости моржевых или тюленьих лежбищ, тогда и промыслом займемся.

По дороге увидали промышленники оленя. Олени больше водятся в тундре, на Мурмане и в Северном крае, но иногда встречаются и на островах.

— Не подстрелить ли оленька? — спросил Шарапов Химкова.

— Да, хорошо бы было! Спустишь-ка в овраг, наперерез оленю.

Шарапов побежал в овраг. Долго ничего не было слышно. Но вдруг среди тишины раздался выстрел, а затем послышался далекий крик Шарапова.

Химков, его сын и Веригин пошли в овраг и вдали увидели Шарапова.

Он махал им шапкой, а на снегу недалеко от виднелась оленья туша.

Через полчаса оленья освеживали. Мясо разрезали на четыре части, и нагруженные добычей мореходы зашагали на берег.

Скоро они дошли до заметки, которую они оставили на берегу, когда пошли искать избу.

— Братцы, а ведь ладьи-то нашей не видать, — сказал с тревогой в голосе Химков.

— А куда же она девалась? — спросили его спутники.

Льда у берега тоже не было. Поднялся западный ветер, отнес льдины и вместе с ними угнал, вероятно, ладью, а может быть ладья была раздавлена льдинами и пошла ко дну.

Одни среди ледяной пустыни

На море не было никаких признаков ладьи. Отчаяние охватило их. Долго стояли они на берегу и безнадежно смотрели в туманную даль.

— Как же быть? — сказал Степан Шарапов.

— Придется жить на острове, пока на наше счастье сюда не придет какое-нибудь промысловое судно, — ответил Химков. — Да редко сюда заходят, — добавил он.

— Ну, братцы, горевать нечего, — произнес Федор Веригин. — Будем жить здесь, авось не умрем.

— Вот дело-то какое приключилось! — сказал старший Химков и с сердцем плюнул на землю.

— Да, уж видно, надо устраиваться на новой квартире, — попробовал было пошутить молодой Химков.

Но никто не улыбнулся. У каждого на сердце „кошки скребли“. Дело шло к осени, и вряд ли можно было надеяться, что в это время на далекий Грумант зайдет какое-нибудь промысловое судно.

Грустные вернулись четверо промышленников в избушку. Плохо провели они первую ночь на пустынном острове. Никто из них почти не заснул. Каждый думал про себя тяжелые думы.

Рано утром Химков поднял товарищей и сказал:

— Надо готовиться к зимовке. Время терять нечего. Прежде всего нужно собрать побольше топлива. На берегу есть плавник¹. Надо набрать его как можно больше, а то без топлива мы зимой замерзнем. А потом нужно позаботиться и об еде.

Все четверо пошли на берег и принялись таскать плавник к избушке. Каждый день выходили они на работу, а Степан Шарапов иногда отправлялся на охоту за оленями. Ему удалось набить десять оленей. Оленину зарыли в снег, а из шкур сделали себе теплые сапоги и одеяла.

Скоро все заряды были расстреляны. Охотиться было не с чем. В незаряженном ружье толку было мало. Все приуныли.

— Как же быть? — спросил Шарапов.

— Как-нибудь проживем, голь на выдумки хитра, — произнес Химков.

¹ Плавником называется лесной материал — доски, обломки разбитых бурей судов, бревна и деревья, выброшенные на берег.

Как-то на берегу нашли доску с железным крюком и несколькими большими гвоздями. Крюк употребили вместо молотка. Расплющили им гвозди, сделали из них наконечники для копьев и стали с ними охотиться на песцов.

Наступил август. Начались морозы. Пошел снег. Установилась зима. День проходил за днем. Но скоро и короткие дни прошли. Настала сплошная ночь.

— Тут и праздники все позабудешь, и счет дням потеряешь, — сказал как-то Веригин.

— Какие тут праздники! — ответил Химков.

Однако Веригин задумал сделать календарь. Он нарезал ножом на палке зарубки и каждую седьмую зарубку сделал шире. Эти широкие зарубки должны были обозначать „воскресенья“.

— Пустое затеял, Федор, — сказал Химков, глядя, как Веригин мастерил свой „календарь“. — Ведь мы и теперь сбились в счете дням. Да и как ты будешь отмечать на своем календаре дни, когда вплоть до марта будет ночь сплошная?

— А вот, как спать будем ложиться, я на зарубке крест буду ставить, — это значит день прошел.

— Ну, ну, делай.

Однажды „дичь“ сама пришла к охотникам. Как-то ночью около наружной двери слышался шорох. Скоро дверь стала трещать. Кто-то ломился в избу.

— Это медведь, братцы, — сказал Химков. — Берись скорее за копыя!

Все соскочили с постелей, схватили деревянные копыя, а сам Химков взял топор.

— Ну, ребята, не плошай! Как только медведь

просунет башку в дверь, колите его копьями. Старайтесь засунуть их поглубже в глотку.

— Постараемся.

Химков зажег огонь в очаге, чтобы осветить избу, и все стали около двери. Медведь был уже в сенях. Он нащупал дверь и стал лапами ее отворять. Через минуту медвежья голова наполовину просунулась в дверь, и в этот момент три копья сразу вонзились в медведя. В эту же минуту сам Химков стал рубить медведя топором.

Медведь, не ожидая такой встречи, в первую минуту опешил, но затем бросился в избу, все три копья сломались, и медведь навалился на Степана Шарпова. Но сам Химков не дремал. Он надел на медведя сзади и со всего размаху рассек ему череп топором. Медведь рухнул на пол, и охотники доби́ли его.

— Вот так гость пожаловал, — проговорил Химков, вытирая со лба пот.

— Хорошо, что во-время раскроил ему башку, — сказал Степан, — а то медведь здорово стиснул меня.

— Ну, вот теперь мы и с медвежатиной, — пошутил Федор Веригин.

Медведя освежевали. Очистили шкуру. Мясо разрубили на куски. Разрезая мясо, охотники заметили, что жилы у медведя очень крепкие и легко разделяются на отдельные волокна.

— А ведь из медвежьих жил можно тетиву сделать для лука, — проговорил молодой Химков-сын.

— И то дело, — ответил отец.

Случай с медведем был для всех четверых вроде праздника. Все повеселели.

Настала полярная зима. Круглые сутки стояла

темнота. Охотиться было нельзя. Морозы стояли такие, что дух захватывало. Несчастные мореходы сидели почти все время в избе. Они завалили избу со всех сторон снегом, чтобы ветер не выдувал тепла. В избе, когда не горел очаг, стояла полнейшая тьма. Так в темноте и лежали все четверо на своих постелях, покрытых оленьими шкурами.

Все скучали о родных. Думали о том, попадут ли они на родину. Мало утешительных мыслей приходило в голову. Глубокая тоска охватывала всех.

Никто не знал, сколько месяцев живут они на острове. Часов у них не было. В то время часы вообще были редкостью. Солнце не показывалось на небе, кругом стояла сплошная ночь. Оставалось только одно — лежать да спать. Когда лежать надоедало, кто-нибудь вставал, разжигал огонь в очаге, варил обед. После обеда опять ложились. Так и шло время.

Однажды Степан Шарапов пошел на волю, чтобы поразмяться. Через минуту он вбежал в избу.

— Братцы, скоро солнышко покажется, на восходе небо стало белеть.

Все выбежали из избы и стали смотреть в восточную сторону. Там действительно темное небо было немного светлее, чем в других местах. Каждый день стали следить, как небо на востоке становилось светлее. Наконец над морем показался и краешек солнца. Но через несколько минут солнце опять зашло, и в ледяной пустыне снова наступил мрак.

На следующий день над морем показалась уже половина солнца, а еще через несколько дней солнце уже поднялось в небе довольно высоко и продержалось на небе сравнительно долго.

— Ну, братцы, вот и зиму перезимовали, — сказал Химков.

У всех на глазах показались слезы. Бросились обнимать друг друга.

Охота на белого медведя

Но никто из четверых не знал, какой идет месяц и сколько времени провели они на острове.

С каждым днем солнце поднималось все выше на небе, и на припеке снег стал таять. Скоро на проталинках показался мох. На остров прилетели гуси и

гагары. Стали бегать песцы. Химков и его товарищи начали ходить на охоту.

Кроме копий Степан Шарапов сделал еще лук. На берегу он нашел еловый корень, обделал его ножом, а тетиву сделал из медвежьих жил. Сделали стрелы с наконечниками из заостренных на конце гвоздей.

Таким первобытным оружием им удалось убить несколько оленей и трех песцов. Свежее оленьё мясо подкрепило их силы, и они стали снова собирать плавник на берегу. Во время длинной зимы они сожгли порядочно топлива.

Собирая плавник, они с надеждой смотрели на очищавшееся ото льда море. Каждый день смотрели они, не покажется ли на море промысловое судно, которому бы можно было подать знак о себе.

Но дни проходили за днями, а никаких судов на море не было видно. Так в бесплодном ожидании прошло все лето. Снова солнце закатилось, начались опять морозы и снежные вьюги. Настала вторая зима.

С тоской и грустью заперлись четверо несчастных мореходов снова в свою ветхую избушку, и опять потянулась долгая, темная полярная ночь.

Вторая зимовка

Вторая зимовка на ледяном острове была такой же тоскливой и скучной, как и первая. Единственным их развлечением было смотреть, как играют сполохи.

Сполохи, или *северное сияние*, можно видеть только на севере. В долгую темную ночь в северных странах на небе вдруг показывается особенный свет. Сначала свет загорается на краю неба, а потом подни-

мается все выше и выше. Затем на небе показывается большая разноцветная радуга, радуга эта переливается и колышется как-будто ветром. Потом радуга разрывается, и по небу начинают ходить большие столбы, или полосы. В это время кажется, что все небо горит и небесный пожар перекидывается из одного места на другое. Но минут через двадцать свет на небе гаснет, и наступает снова темная ночь, и еще тоскливее становится на душе.

Однако Химков уговорил своих товарищей как можно меньше лежать. Они смастерили себе лампу, в которой жгли олений жир. Лампой была небольшая глиняная плошка, которую слепил Федор Веригин. Фитиль свернули из тряпки. Когда огонь в очаге переставал освещать хижину, зажигали эту лампу, и тусклое пламя освещало убогую лачугу. Сидя вокруг этой лампы, все что-нибудь старались делать — нитки из медвежьих жил, иглы из костей или гвоздей.

Одежда и обувь у всех четверых за год изнасилась и истрепалась. Пришлось сшить себе одежду из оленьих шкур.

В первую зиму никто из четверых не болел, но во вторую зиму захворал сначала Иван Химков младший, а потом Федор Веригин. Молодой Химков скоро поправился, а Веригин стал хиреть.

У него развилась цынга. Цынгой часто болеют жители в полярных странах. Цынга начинается с того, что человека охватывает слабость. Все время хочется лежать. Затем начинаются боли в суставах. Портится вся кровь в теле. Из рта у человека начинает пахнуть. Десны распухают, синеют, и из них начинает идти темная кровь. Лицо отекает, пухнут ноги и на

них появляются раны. Вскоре человек умирает. Цынга бывает от плохой и несвежей пищи.

Скоро Федор Веригин так ослаб, что не мог ходить и все время лежал и стонал от боли. Через несколько недель он умер. Смерть Федора сильно подействовала на всех. Каждый думал про себя, что может быть и его ждет такая же участь.

Потужили, погоревали о Федоре. Вырыли около дома яму в снегу и схоронили его в этой яме. Уныло возвратились трое мореходов после похорон товарища, и еще тяжелее стало у них на душе.

Вторая зима прошла, однако, благополучно для остальных. Поболел немного сам старик Химков, но отошел, выздоровел. Скорее опять пришла весна. Опять прилетели птицы, появились на море морские звери. Опять начали все посматривать на море, охотиться и собирать плавник. И жизнь пошла своим чередом. Снова стали ждать—не появится ли на море судно.

Но судно не появилось и на второе лето. Стали готовиться к третьей зимовке. В труде и в охоте незаметно промелькнуло короткое лето. Опять солнце скрылось на целые полгода. Опять начались бури и холода. Каждый из трех мореходов, глядя, как закатывается солнце на зиму, думал про себя. „Доведется ли увидеть мне еще раз красное солнышко?“

Спасение из ледяного плена

Прошла еще зима, а за ней прошло третье лето, а затем четвертое, пятое и шестое. Зимой по целым неделям на острове ревели бури, промышленники не выходили наружу. За зиму снег заносил хижину так, что весной промышленники еле-еле откапывали ее.

Три морехода жили одинокой жизнью среди льдов и снегов. Каждое лето они с надеждой выползали из своей хижины и смотрели на море — не покажется ли там какое-нибудь судно. На всякий случай на высоком холме они сложили костер из плавника. Химков сказал сыну и Шарапову: как покажется на море парус, сейчас же зажигать костер, по нему корабельщики на море узнают, что на острове есть живые люди.

Но лето проходило за летом, а никакого корабля к острову не заносило. Несчастные мореходы, чувствуя, как силы слабеют с каждым годом, потеряли уже надежду увидеть когда-либо свои родные места. Каждый думал про себя, что им суждено умереть на этом ледяном острове, что он и будет для них могилой. Здоровье у всех троих стало слабое. Более пяти лет они не видали куска хлеба, а питались только одним оленьим и медвежьим мясом. Обросли все волосами, как звери, и совсем стали дикарями.

Наступило седьмое лето. Опять стали собирать плавник. Хотя никто уже почти не верил в избавление от ледяного плена, но все-таки каждый из них старался пробыть как можно дольше на берегу. Каждый все-таки надеялся, что вот-вот покажется на море судно и возьмет их. Все надеялись попасть домой.

Но дни опять проходили за днями, а море было пустынно. Лето подходило опять к концу, и мореходы начали было готовиться к новой зимовке. Вдруг однажды на море вдали показалось какое-то судно. Первый увидал его Степан Шарапов. Не помня себя от радости, Степан побежал в избу, чтобы оповестить отца и сына Химковых.

— Судно! судно! — кричал он, вбегая в избу.

— Зажигай скорее костер на берегу! — крикнул Химков своему сыну.

Через минуту на берегу горел костер, и дым от него высоким столбом поднимался к небу.

Все трое подбрасывали в огонь дрова и жадно смотрели на море, где вдали плыл корабль.

ДОКУМЕНТАРНО

„Заметят наш костер или не заметят? Зайдут за нами или же бросят нас на произвол судьбы?“ — думали мореходы.

Вдруг Степан Шарапов, у которого зрение было хорошее, увидел, что судно повернуло к острову. Через полчаса на нем можно было видеть людей. Было видно, как с судна спустили лодку. Через несколько минут лодка была уже у берега.

— Что за люди? — слышался крик с лодки.

— Архангельские промышленники. Спасите нас!

Лодка ткнулась носом в берег, и на берег выпрыгнул лоцман.

— Здравствуйте! Как это вы очутились здесь?

— Долго рассказывать, потом расскажем, возьмите только нас с собой, — говорили, почти плача от радости, трое людей, одетые в оленьи шкуры.

— Ну, ладно, садитесь в лодку, на судне расскажете о своих приключениях, — сказал лоцман.

— Да у нас добришко кое-какое есть, — проговорил Химков, — хотелось бы его забрать с собою.

— Ну, ладно, заберем и его.

Из избы стали вытаскивать оленьи, медвежьи и лисьи шкуры и куски оленьего сала. Всех шкур оказалось около двухсот, а сала пудов шестьдесят.

Взяли они с собой и лук, стрелы, копья, и рога-

тины, и костяные иглы—все, что они сработали за время жилья на острове.

— Однако много добра вы здесь накопили, — сказал лощман, — за один раз и не увезти.

— Ведь шесть лет жили здесь, — сказал Химков.

— Как шесть лет? спросил удивленно лощман.

— Да, целых шесть лет. Умирать было собрались здесь, да вот вы явились... Спасли нас.

Все шкуры и сало были погружены в лодку, и трое промышленников стали прощаться со своей ледяной тюрьмой, где они прожили шесть долгих лет. Сходили на могилу Федора Веригина.

— Прощай, Федя, — сказал Химков со слезами на глазах. — Всех моложе ты был из нас четверых, да не суждено тебе было вернуться домой... Прощай!

Шхуна, на которую попали трое несчастных промышленников, принадлежала одному архангельскому купцу. Шхуна возвращалась теперь с Новой Земли в Архангельск. Но ветер отнес ее к Шпицбергену. Благодаря этому и были спасены злополучные мореходы.

Хозяин шхуны, выслушав рассказ Химковых и Шарапова, сказал:

— Ну, а за доставку вас в Архангельск вы мне отдадите половину шкур и сала, что у вас есть.

— Да хоть все возьми, только доставь на родину, — проговорили все трое.

— Ну, ладно, заплатите мне за доставку 80 рублей.

28 сентября 1749 г. шхуна прибыла в Архангельск. Слух о том, что на шхуне приплыли три человека, которые шесть лет провели на Груманте, быстро облетел город, на пристань собралось много народу.

Химков и Шарапов увидели своих знакомых, все целовались, плакали и поздравляли со спасением. Старуха Химкова, услышав, что возвратились ее муж и сын, шесть лет пропадавшие без вести, побежала тоже на пристань. Увидав мужа и сына, стоявших на шхуне, она бросилась по мосткам на шхуну, но оступилась, упала в воду и чуть не утонула.

Весь Архангельск перебивал потом в избе у Химковых, чтобы посмотреть на тех, кто целых шесть лет прожил на Груманте среди холода и тьмы.

Рассказом Химковых и Шарапова заинтересовался губернатор. Он призвал всех троих к себе, заставил их рассказать о жизни на Груманте. Этот рассказ был так интересен, что губернатор решил отправить отца и сына Химковых в Петербург.

В Петербурге Химковы были в Академии наук, рассказали ученым о своих приключениях, о природе холодных стран. Но тогдашние русские ученые не очень-то заинтересовались рассказом, они даже не стали слушать Химковых, и только один французский ученый, бывший в то время в Петербурге, подробно расспросил Химковых об их приключениях и все это записал и потом напечатал в Париже.

Многое изменилось теперь и на далеком севере. Правда, полярная природа остается все такой же суровой, как и прежде, острова на Ледовитом море покрыты льдом и снегом, а на самом море плавают ледяные горы. Но при советской власти оживает и неприветливый суровый север.

Теперь советская власть устраивает на полярных островах поселки, научные станции, радиостанции.

Каждое лето в Ледовитое море отправляются ледоколы, на которых промышляют морского зверя и возят на север разные товары. На Шпицбергене теперь добывают каменный уголь, там живет круглый год много народу, в поселках горит электричество, есть радио.

ДОКУМЕНТАРНО

Если иногда случается, что какое-нибудь судно раздавливают льды и промышленники остаются среди ледяной пустыни, то советское правительство быстро организует для спасения помощь. Советские летчики отыскивают потерпевших крушение, указывают место ледоколам или сами спускаются на лед и забирают потерпевших.

У всех на памяти спасение челюскинцев.

Много и других случаев спасения из ледяных оков Ледовитого моря происходит на далеком севере каждое лето. С каждым годом суровое Полярное море все больше и больше покоряется человеком.

1953

ДОКУМЕНТА

M5.60 2

40 к.

ДОКУСФЕРА

